

<БЕЗ ПОДПИСИ>

<Передовая № 20 журнала «Смена вех»>

Мало прожито, но как много пережито за эти последние двадцать недель. Не только для нас, представителей нового направления зарубежной русской мысли, но и для всей русской эмиграции тогда и теперь — две совершенно разные эпохи.

Тогда еще существовала коалиция некоторых кадетов с некоторыми эсерами. Тогда еще раскол в среде самих кадетов и эсеров не обнаруживал различия между пузырьком, надутым и лопнувшим. Тогда еще дышало (на ладан) Собрание членов парижского Учредительного Собрания¹ и благоухал богословско-торговым фирмом Комитет русской нации² в Париже. Эмигрантские ежедневные газеты еще не закрывались тогда, не перепродавались в любые руки и выходили ежедневно, а не раз в неделю или в месяц. Некоторые из них открывали даже отделения в других странах или торопились переехать поближе к России, чтобы не опоздать к празднику вечно неминуемого крушения большевиков.

А однажды случилось и так, что кто-то пустился издавать «большую петербургскую газету» в умопостигаемом русском городе Берлин-Лондон-Париж. Скажут, это апогей литературно-политической изобретательности наших эмигрантов. И ошибутся: есть еще лучший пример: в одного из виднейших антибольшевистских деятелей эмиграция вдохнула душу бессмертного Полония и превратила его в редактора крупнейшей эмигрантской газеты. Полоний в каждой последующей передовице отрекается от всех предыдущих, а цвет русской интеллигенции за границей радуется: еще не оскудела Русь вождями и редакторами.

Сами мы двадцать недель тому назад представляли собой лишь небольшую группу дерзновенных, осмелившихся бросить вызов

«несметным полчищам» противников. Мы знали, что вызов бросить нужно и верили в свою правоту. Но то были только вызов и только вера. А сил мало. А ответственность велика.

Против нас могли оказаться не только наши эмигранты, но и события в России, и догматическая непримиримость представителей советской власти и позиция в отношении России иностранных держав. Правда, вера наша опиралась на неопровержимые доводы, на очевидность. Однако, мало ли что представляется иной раз неопровержимым и очевидным? Разве не из борьбы обманчивых очевидностей рождается весь небывалый трагизм текущего исторического дня? И разве не знали мы раньше других очевидностей, нежели сменовеховская? Не очевидности нужно служить, а цели. Не опираться на силу, а создавать силу. Не мерить будущее мерками прошлого, а быстро и решительно превращать прошлое в будущее.

Так мы думали тогда. Так было тогда.

Что же теперь?

За двадцать недель полемики противники наши ничего не выдвинули в опровержение наших мыслей кроме ругательств и запоздrevаний, преднамеренного непонимания и упреков в молодости. Приняв вид людей чьи карманы переполнены *собственными* деньгами, они все свои возражения нам построили всего лишь на одном вопросе: а откуда у нас деньги?!

Не долго уже ждать националисту Бурцеву, социалисту Чернову и столпам нашей либеральной государственности того дня, когда мы получим право ответить им и на этот вопрос. Но пусть же и они, в свою очередь сообщат нам тогда, в какой мере национализм, государственность и социализм повинны в добывавшихся ими средствах и в какой, напротив, они блекли, хирели и низко опускали голову от шелеста каждого вновь добытого ими франка и доллара и звона каждого рубля.

Но не в этом главное. Главное в том, что и здесь — как во всем — Россия не поверила и не поверит им. Мы не знаем, сколько новых кадетов, демократических и недемократических, появилось вслед за возникновением «Последних Новостей», и «Руля»³. Еще меньше знаем мы, что-либо об успехах вербовочной работы в подпартиях бывшей социал-революционной партии. Зато перед нами письма и обращения к нам многочисленных корреспондентов из разных стран, полные одобрения, сочувствия и готовности помогать нам в нашей работе.

В России сборник «Смена Вех» предшественник журнала, положил начало свободному общественному обсуждению политических вопросов после ряда лет запрета на всякую свободу слова.

Нет ли нашей доли участия в том, что теперь в России возрождается понемногу неофициальная политическая печать?

В ответе на наши политические выступления виднейшие представители советской власти заявили, что им с нами не по пути. Признание оказалось, образом, взаимным. Мы пошли навстречу им в сознании, что с их крушением рушилась бы и всякая надежда на новую Россию и на новый, действительный мир среди народов. Мы чувствовали при этом, что они должны быть выше мщения нам за прежнюю борьбу с нами и за неприятие нами социально-философского мировоззрения. Что же касается их, то они пошли навстречу нам, увидев, что и не становясь коммунистами русские интеллигенты могут работать совместно с коммунистами, — что к аналогичным и даже тождественным целям можно прийти разными путями, с разных сторон.

Тем временем русская эмиграция окончательно разложилась политически и далеко зашла на пути морального разложения. Вождям её давно пора, кому на покой, кому в переплавку, кому под суд. Тщетно стараются еще они выдать нашу деятельность за случайный «политический скандал». Характер скандала — не политического, а увы национального — начинает постепенно приобретать их собственная деятельность.

Одно за другим сбываются наши предчувствия, предсказания, ожидания.

Уверенность в прочности международного положения России оправдана Каннами и Генуей. Надежды на то, что Франция откажется от опасного бойкотирования реальной России в угоду России французских министерских канцелярий, крепнут с каждым днем и радуют. 10-го апреля или месяцем позже возгорится великий спор между Россией и остальным миром. На наш взгляд, возможных исходов этого спора лишь три: или Россия и все другие страны договорятся между собой ко всеобщей выгоде, или партнеры России в рассыпную отступят из Генуи за другие конференционные столы, или — мировая революция. Но совершенно невозможен тот исход, на который все еще так рассчитывают за границей: т. е. что Россия очутится в положении подсудимой среди судей, побежденной среди победительниц. Нет, этому уже не бывать никогда!

История снова чревата мировыми событиями. Только что изжит длинный и поучительный опыт. Так не довольно ли академических разговоров, выяснения роли интеллигенции, препирательств с эмиграцией? Немало ли теперь еженедельного журнала «Смена Вех»? Не пора ли закончить смену вех? Смена произведена, позиции заняты, наступает момент открывать бой по более широкому фронту.

Ощущение такое, что мы *накануне*. Накануне великого дня. Великих дней.

Сами собой в русской среде произойдут решительные перегруппировки. Все из русских за границей, в ком не засох еще мозг, не прокисло сердце и не умерло русское в душе, произведут окончательный выбор за Советскую Россию. Просто за Россию. Остальные... О них нам сейчас некогда думать...

Первый шаг, сделанный нами, обязывает нас к дальнейшим шагам.

Пусть же клеветают, видя нас идущими впереди тех, чей идеал уткнуться лбом в заколоченные ворота прошлого. Пусть шипят, когда узнают, что некоторые из нас не только призывают поддерживать Советскую Россию, но уже приступают фактически к поддержке ее. Пусть. Нам не страшны ни угрозы, ни шипение.

Если что нам страшно, то разве лишь одно: главные кадры наших единомышленников должны находиться в самой России. Не мы им должны указывать путь, а они нам. Так, собственно, и было в действительности: нашей задачей являлось продумать как можно глубже и прямо высказать то, что с некоторых пор стало намечаться и высказываться в самой России. Здесь в относительном заграничном благополучии, вам несравнимо легче это, чем там, среди лишений и ужасов. Можно ли упрекать тех, кто, на пороге отчаяния и чуждый нарождающейся новой жизни цепко держится за старые воспоминания и старые надежды. Одно дело понимать, как из трагического рождается благое, а совсем другое дело быть прямой жертвой трагического ради отдаленного и еще непонятого благого.

Поэтому нам страшно, что ошибки политической перспективы и ложная верность прошлому дольше продержатся в России, чем это должно бы и могло бы быть. Поэтому все наши силы мы готовы приложить к тому, чтобы не только за границей, но и в России — главным образом в России — стало быстро утверждаться сознание невозвратности и ненужности прошлого и необходимости признания настоящего.

